

ДВЕ ИСТОРИИ

В современной российской массовой культуре существует несколько направлений псевдоисторической мысли, которые не могут существовать без скандала, без нападков на историческую науку, без дешевой сенсационности, поскольку глубинная их цель – успешная коммерциализация. Самый яркий пример – знаменитая фоменковщина, уже отходящая в прошлое, но ставшая образцом к подражанию для множества близких по духу групп и сообществ. Их адепты постоянно ищут публичность и, к сожалению, время от времени СМИ оказывают им поддержку.

Так, 17 марта на телеканале «Культура» прошла передача «Что делать», посвященная странному вопросу «Какое, милая, у нас тысячелетье на дворе?»

Состав присутствующих исключал минимальную возможность обсуждения проблемы исторической хронологии с точки зрения науки. На передачу было приглашено 5 участников, но ни один из них не являлся историком-специалистом, сколько-нибудь погруженным в проблематику хронологии. Все это представители в лучшем случае, поп-науки, а в худшем – журналистики и даже фольк-хистори, т.е. сферы информационного бизнеса, использующего исторический антураж в целях создания «сенсационных» и, следовательно, легко продаваемых материалов. А.Жабинский – искусствовед и художник, Я.Кеслер -- журналист, В.Поляковский – общественный деятель и журналист, Дмитрий Калюжный – журналист и создатель собственной «новой хронологии», конкурирующей с фоменковской, Андрей Подойницын – «телелицо» самой фоменковщины.

Удивительно, что передача, заслуженно получившая добрую репутацию и, как правило, отличающаяся высоким интеллектуальным уровнем, допустила к дискуссии на столь важную тему столь неподходящий состав.

Выступления участников передачи были наполнены высказываниями, свидетельствующими о полном отсутствии знания предмета, о котором они говорили, с фактической точки зрения. При столь слабом культурном «багаже» размышления о глобальных вопросах истории выглядели, мягко говоря, как образец самонадеянности.

Вот несколько примеров на сей счет.

По мнению Владислава Поляковского, средневековая история Европы и Руси фактически лишена документальной основы, поскольку «актовые архивы» (его выражение) имеют по Западной Европе «пределом датированности» XIV—XV века, а по Руси – «на век-полтора позже».

Что касается русской истории, то помимо разрозненных документов, имеющих более или менее точную датировку, до наших дней дошел московский великокняжеский архив. Древнейшие документы в нем относятся как раз к XIV столетию, а не на «век-полтора позже». Это

духовные и договорные грамоты великих князей московских Ивана Калиты, Семена Гордого, Ивана Красного, Дмитрия Донского, Василия I. Старший среди них – завещание Ивана Калиты, относящееся ко второй четверти XIV столетия. Его датировке посвящены специальные исследования, и к настоящему моменту наиболее вероятной датой его составления считается приблизительно 1339 год¹.

В отношении западной Европы известно множество актовых материалов, которые четко датируются временем намного более ранним, нежели XIV век. Эти документы также общедоступны, немалое их число опубликовано еще в хрестоматиях советского времени, которые лежат в любых крупных библиотеках. Вот несколько примеров: дарственная грамота графа бургундского Леотальда на земельные владения монастырю от 941 г., или, скажем, хартия, предоставленная городу Сент-Омеру графом фландрским в 1127 г., или хартия, данная городу Бомону архиепископом Реймским в 1182 г.²

Какой уж тут XIV век!

Андрею Подойницыну, по его словам, «непонятны и загадочны» степные нашествия, которые «неизвестно откуда брались», когда гунны или монголы завоевывали весь мир, а затем исчезали бесследно, «не оставив после себя ни письменной традиции, ни языков, ни религии, ни культуры». Гунны, действительно, письменной традиции после себя не оставили, а вот язык их принадлежал к семье тюркских языков, в коей самый близкий к нему из ныне существующих – чувашский. Что же касается монголов, то от их старописьменного языка (не-кириллического) известно немало памятников, в том числе, относящихся и к XIII столетию, т.е. эпохе монгольских завоеваний; да и о религии их, довольно сложной системе тэнгрианства, имеются обширные сведения. И тут уж беда самого господина Подойницына, что он ни об этом языке, ни о письменных памятниках древних монголов, ни об их верованиях ничего не слышал.

Тот же Андрей Подойницын выставляет достоинства «новой хронологии» весьма странным образом: «В “новой хронологии” нет таких дикостей, что на тысячу лет забыли латынь, а потом ее внезапно вспомнили». Подавляющее большинство исторических памятников Средневековья писаны на латыни, а вместе с ними и весьма значительный корпус документов – многие тысячи. Кто, когда забыл латынь на тысячу лет? Бог весть.

Вот два пассажи, принадлежащих Дмитрию Калюжному.

В первом из них он пытается обосновать тезис, согласно которому католическая Церковь имела прямую заинтересованность в искажении хронологии, что и повлияло на работу Скалигера. Итак, вот дословная

¹ Кучкин В.А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории. М., 1989. С. 221—222.

² Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. Т. 1. С. 643—644; Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского, С.Д. Сказкина. М., 1953. Т. 1. С. 384—385; Социальная история средневековья / Под ред. Е.А. Косминского, А.Д. Удальцова. М.—Л., 1927. Т. 2. С. 246—247.

цитата, авторская стилистика сохранена полностью: «У католицизма был вполне интересный интерес: ежели Христос родился вот тогда, когда сказано, в этом самом нулевом году или в первом, то и папы должны начинаться от того времени». Уважаемый участник дискуссии не отдает себе отчета в том, что папство даже по самым благожелательным для него версиям, появилось через много лет после земной смерти Иисуса Христа, а не в момент его рождения.

Столь же «фундаментальным» заявлением обогащает Дмитрий Калюжный историю крестовых походов. Цитата из его телевыступления приводится, как и в первом случае, дословно и с сохранением неповторимого авторского стиля: «Историкам приходится выдавать свои выдумки за некую историческую правду. Вот, например, был эпоха крестовых походов. Ни в одном тексте, ни в одной записке не написано слова «мусульмане» вообще, ни слова «Аллах». Что же они видят? Они идут и видят натуральных татаро-монголов, которые гоняют скот и живут в арбах, они видят ремесленников, они видят статуи на площадях, они видят храмы, посвященные Аполлону».

В действительности же в источниках XI — начала XIII вв. по истории крестовых походов (а таких источников сохранилось весьма много — документов, писем, исторических повествований) противниками рыцарского воинства выступают сарацины, мавры, турки, персы, но только не татаро-монголы. Базовые источники оцифрованы и выложены в сеть, они доступны не только для специалистов, но и для любого ценителя исторических знаний. Что же касается полного отсутствия свидетельств о мусульманах, то... как тогда объяснить сообщение монаха из Эдессы, повествующего о событиях 1140-х гг. (преддверие Второго крестового похода) следующим образом: «Падение Эдессы стало причиной выступления латинских королей с их армиями против турок, особенно когда они узнали, что после взятия Эдессы мусульманами христиане стали пленниками. Преисполнившись рвением перед Господом, они покинули свои страны ради дела Христа и христиан, чтобы отмстить за смерть своих единоверцев-христиан и потерю Эдессы, а также захватить те христианские места, что были осквернены турками, особенно Святой Гроб и прочие Святые места в Иерусалиме»³. Кажется, рыцарство XII века превосходно разбиралось в том, какому вероисповеданию принадлежит его противник.

В фокусе критики участников программы оказалась так называемая «скалигеровская хронология». На нее обрушивались укоризны эмоционального свойства, фактически лишённые рационального, логического зерна. Соображения, основанные на метафорах, «здоровом смысле» и общих соображениях нимало не поколебали схем, разработанных в XVI веке составителем трудов по хронологии Скалигером. Многое множество раз разгромленные академической наукой построения А.Т.

³ Taylor W. R. A New Syriac Fragment Dealing with Incidents in the Second Crusade // The Annual of the American Schools of Oriental Research, Vol. 11 (1929-1930). Перевод — Е. Гуринов.

Фоменко вновь были озвучены на экране его представителями и сторонниками.

Проблема, связанная с диспутами по хронологии значительно масштабнее критики или защиты Скалигера. Прежде всего, это миф, что современная историческая наука держится в отношении хронологии на одних лишь его соображениях. Существует огромная многовековая традиция изучения и уточнения хронологии, в рамках которой Скалигер – крупная фигура, но не основоположник и не «живой фундамент». Весьма подробное понимание хронологии существовало до него и им было в лучшем случае упорядочено. Разумеется, на нем разработка хронологии не остановилось, и наука неоднократно вносила в его представления поправки. Более того, помимо западноевропейской хронологической традиции существуют и другие, с нею синхронизированные и ее подтверждающие. В частности, хронология, принадлежащая высокой культуре Византии, позднее унаследованная и развитая Русью. В Московском государстве Скалигера не знали, но располагали фундаментальными историческими сочинениями в форме летописей и хронографов, сообщающих читателю четкую и стройную хронологическую систему.

Этот аргумент озвучивался неоднократно и сколько-нибудь здравого возражения со стороны «новой хронологии» не получил.

Почему? Ответ сформулирован многими десятилетиями развития массовой культуры во всем мире. Разного рода «новые хронологии» -- умственная болезнь не одной лишь России. Они живут и плодятся в США и в странах Европы. Они спорят друг с другом, не соглашаются, в частности, расходятся в подсчетах на века и даже тысячелетия. Но в одном вопросе они строго едины: настоящая историческая наука, т.е. академическая и университетская история, для них – враг. Высшей добродетелью в среде «революционеров от хронологии» считается добавить новый штрих к портрету этого «косного, обленившегося, злобного чудовища». Причины такого *modus operandi* понятны. Рынок создает запрос на сенсации, рынок зовет к экранам псевдо-историков, ловких авантюристов, наглых тряпичкиных нашего времени. Но пока историческая наука сохраняет свои позиции, им есть чего опасаться: это ведь самозванцы, и фальшь каждого из подобного рода деятелей может быть доказана настоящими специалистами.

Между тем, в рамках исторической науки постоянно ведутся дискуссии по проблемам хронологии, происходит уточнение дат одних событий, перенос других – в связи с открытием новых источников, в связи с использованием новых методов работы с информацией. Иными словами, историки никогда не упускали из сферы исследований проблемы хронологии, занимаются ими сейчас и будут заниматься в будущем. Так, например, относительно недавно выдвинуто обоснованное предложение кардинально пересмотреть датировку основного комплекса зданий Александровской слободы. Здесь нет ничего застывшего, каждый год предлагаются теории, которые предусматривают пересмотр тех или иных элементов хронологических систем. Но эти разработки ведутся с опорой на источники и

изоощренный логический инструментарий. Эти диспуты проходят на строго научной основе. Поэтому самозванные «спецы» их либо не знают, либо не хотят знать. Ведь правда об этом подрывает их реноме.

История всегда была элитарной сферой знания. Для того, чтобы воспринимать исторические факты и процессы во всей их сложности, всегда требовались хорошее образование и недюжинные умственные способности. В условиях Нового времени, конкретнее говоря, в XIX—XX веках, история получает помимо базового еще «популярный» вариант изложения, доступный для неспециалистов, интересующихся прошлым. Но и он требовал серьезного приложения интеллектуальных усилий.

В настоящее время происходит поляризация культуры. «Средний класс» вымывается, как вымывается он из социума. Постепенно из единой культуры рождаются две, принципиально различные. Одна из них станет, вероятно, принадлежностью высших слоев общества, и для того, чтобы изучить ее в полной мере, потребуется получить профильное образование в особых учебных заведениях, не предназначенных для «демократических слоев населения». Другая превратится в набор веселых картинок наподобие телесериалов или компьютерных игр; для ее усвоения даже от самого ленивого ума не потребуется особенного напряжения.

В России этот процесс идет медленно. Наши культурные традиции предполагают полную свободу доступа к историческим знаниям для всех, притом избыточная популяризация воспринимается как оглушение читателя.

Сторонники «новой хронологии» и прочих разновидностей фольк-хистори, если оценивать их деятельность объективно, ускоряют процесс формирования до крайности «облегченной истории», истории-жвачки для бездумного потребителя. Их склонность к упрощению и укорачиванию исторического процесса, по сути, представляет собой желание сделать из цветущего дерева качественное бревно. Если десять лет назад их сообщество выглядело только как общественный итог победы рыночных правил в сфере культуры, то теперь они стремятся в политику. И, следовательно, любая информационная поддержка их усилий облегчает размывание полноценной сложной истории. А это, в свою очередь, серьезный шаг в сторону кардинального понижения общей культуры массового сознания в России.

*Доктор исторических наук, доцент
Дмитрий Володихин*